

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

"Боже, как красив этот человек!"

Когда я вхожу в кабинет Висконти, то вижу, что он не один. С ним оживленно беседует какой-то рослый широкоплечий мужчина. Я, конечно же, ни слова не понимаю на этом языке, который неделю спустя начну учить с лихорадочной поспешностью. Человек, который сейчас стоит ко мне спиной, — знаменитый итальянский актер, я его узнаю, его зовут Ренато Сальватори. Через несколько мгновений он станет — и пребудет до конца моих дней — любовью всей моей жизни.

Я чуть не упала в обморок, когда увидела его. Amore a prima vista. Значит, она существует на самом деле, любовь с первого взгляда? Боже, как красив этот человек! Как мне нравится его лицо, короткий нос, необычный разрез глаз, чем-то напоминающих волчи, его коренастое, могучее тело. Его рот, его улыбка полны такого чувственного обаяния, что меня пробивает дрожь, я какусь себе такой маленькой рядом с ним. Фильм начался еще до того, как Висконти скомандовал: "Мотор!" Я робко смотрю на Ренато, выдерживаю его взгляд. Не хочу робеть перед ним, пусть даже у себя в стране он считается звездой. Ему двадцать семь, он чуть моложе меня, как почти все мужчины, которых я любила. Он улыбается мне, раздевая меня пристальным взглядом. Я ему нравлюсь, это очевидно... однако всему свое время. Спокойствие, дорогая моя, сейчас займемся пробами, моля небо, чтобы оно не разлучило меня с этим человеком, который так волнует меня, который сводит с меня глаз.

"...я засыпаю в его объятиях"

Лукино репетирует со мной сцену первой встречи Нади и Симоне, проститутки и клиента. Мы оказались в объятиях друг друга, еще не успев толком поздороваться. Таков кинематограф: историческая хронология редко совпадает с рабочим графиком. По окончании репетиции мы с Ренато уходим вдвоем и остаток дня проводим вместе, причем я шагаю и разговариваю как во сне. Он показывает мне дом, где я вскоре буду жить, а затем предлагает совершить прогулку по Риму. Разговариваем мы на смеси французского с итальянским, помогая себе размашистыми жестами и улыбками, которые заменяют знаки препинания. И отлично понимаем друг друга. Если в первый вечер я, как пай-девочка, возвращаюсь в отель, то во второй я засыпаю в его объятиях. И с ощущением, что отныне жизнь будет зависеть не от моей собственной воли, а от этой всевластной взаимосвязности. Я спускаюсь с небес на землю к черу вторника, лишь для того, чтобы успеть на самолет в Париж. (...) Ренато — мужчина моей жизни, я это знаю. И мое тело успело понять это еще раньше, чем я сама. Рассудок тут бессилён. В Ренато для меня заключена вся мыслимая любовь, все мыслимое наслаждение — но также то, что неотделимо от любви: необходимость смиряться и покорино сносить обиды. Это я прекрасно понимаю уже сейчас. Этот парень — Гуляка с большой буквы. Он притягивает меня тем сильнее, что под его грубоватой внешностью я угадываю очень ранимую душу. (...) Я влюблена. Влюблена до безумия. Я вспоминаю тебя, Эдит. Теперь я не просто понимаю твои песни, я могла бы спеть их сама. Люди часто говорили, что Ренато своими бесконечными изменениями превратил мою жизнь в ад. Женщины, спиртное, азартные игры, ревность, страшные приступы гнева... и что же? От всего этого не осталось и следа. Если в моей жизни и был ад, то он кажется мне весьма прохладным по сравнению с той неодолимой страстью, которая однажды соединила нас и не угадала во мне даже с его смертью. (...) Ренато теперь на небе, и ему там должно быть жутко тоскливо, ведь ангелы беспольны. (...)

"Рядом с ним никто не казался мужчиной"

Но Ренато — это было что-то вроде урагана и землетрясения одновременно, разве я могла справиться с этим? Рядом с ним никто не казался мужчиной.

С ним я испытала новое, завораживающее чувство: любовь, к которой примешивается смутный страх. Я люблю его и боюсь. (...) У Ренато бывают приступы бешенства, когда он не контролирует себя. Надо сказать, Висконти выбрал его на роль Симоне, преступного брата Рокко, увидев, как он расправляется с другим актером, который обхаживал его подружку. Его неукротимая ярость произвела впечатление на режиссера, непривычного к столь ярким проявлениям мужественности. С первой же встречи Висконти почувствовал: в этом человеке кроется что-то свирепое, необузданное. В сценах, где Ренато-Симоне избивает меня, насилие, а потом всаживает в меня нож, я не играю страх, я и в самом деле сильно испугана. В сцене убийства я начинаю метаться, как загнанный зверь, я верю, что сейчас он меня действительно убьет, что мне крышка. В какой-то момент он хватается за меня, бьет ножом, и я падаю под тяжестью удара, хотя лезвие бутафорского ножа, как и полагается, уходит в рукоятку. Лукино отснимает подряд несколько дублей, и в конце концов лезвие заедает. Часть его остается снаружи. Ренато слегка порезал меня. Я вскрикнула. "Что случилось?" — спрашивает Лукино, подняв руку, чтобы оператор выключил камеру. "Я порезалась, Лукино, лезвие не полностью вошло в рукоятку. Но все в порядке". Висконти оборачивается к Ренато и говорит ему по-итальянски, словно отец — нашившему ребенку: "Посмотри, что ты сделал, Анни ранена..." И тут Ренато поворачивается ко мне и с некоторой напыщенностью произносит: "E per l'arte, madame" ("Это ради искусства, мадам").(...)

Чувственность. Если одним словом ответить на вопрос, про что эта книга, то это будет — чувственность.

Анни Жирардо начала писать мемуары накануне своего визита в Москву — три года назад. Живая легенда французского кинематографа тогда приехала сниматься у Валерия Ахадова в многосерийном телефильме "Свободная женщина". И с ходу заявила: "Книга — это главное дело моей жизни". Во Франции ее мемуары вышли год назад и имели большой и шумный успех. Первый перевод на русский язык появится на днях в книжных магазинах столицы. "Уйти, вернуться. Сила страстей" — так называются ее мемуары. Издательский дом "Free Fly" начинает ими свою новую серию "Роман с жизнью", в которой собирается публиковать мемуары великих и интересных людей нашего времени. Следующий на очереди — Пьер Жирар. Эксклюзивное право для публикации фрагментов из книги Анни Жирардо "Free Fly" предоставлено "МК".

Анни и Ренато: все только начинается...

АЛЕКСАНДР АСТАФЬЕВ

МУЖЧИНА МОЕЙ ЖИЗНИ

Анни ЖИРАРДО:
"Мы оказались
в объятиях друг
у друга, еще не успев
толком поздороваться"

"Врач сообщает, что я беременна" 19

Рядом с Ренато я быстро прихожу в себя и восстанавливаю силы. И пусть мне даже не заикаются о том, чтобы я хоть одну ночь провела без моего любимого! Конечно, в глубине души я понимаю: это зависит не только от меня, рано или поздно... но нет, дорогой мой, позволь мне еще оставаться с тобой. Благодаря удачному стечению обстоятельств мы проведем вместе еще два месяца — на съемках фильма Франко Росси, в котором нашли роли для нас обоих. Съемки проходят на западном побережье Соединенных Штатов, фильм под названием "Смог" так и не выйдет на экраны во Франции, зато он позволит нам провести два месяца в Лос-Анджелесе и при этом играть влюбленных. Никогда больше нам не придется изображать в кино такую нежную парочку. (...)

На "Корабле Эммы" у меня начинаются приступы тошноты, не имеющие ничего общего с морской болезнью. Вот это сюрприз! 25 октября, в день моего рождения, врач сообщает мне, что я беременна. Ребенок от Ренато, я так мечтала об этом, так хотела, чтобы между нами возникла неразрывная связь, которая соединяла бы нас всегда, даже помимо нашей воли. Мы ничего не планировали, это произошло само собой, и вот мне предстоит стать матерью в

тридцать лет: что ж, в этом возрасте люди становятся ответственными. (...) Но какой реакции ждать от Ренато? Он ни разу не говорил, что хочет ребенка. Я вдруг чувствую себя хрупкой, незащищенной, беспомощной перед лицом этого грандиозного события, о котором он еще не знает. И в тоже время я испытываю изумление и восторг. (...) Я вечно разрывалась между привязанностью к домашнему очагу — и жадной свободой. В сущности, охотнее всего я стала бы матерью-одиночкой, как моя мама. Но сейчас, в этой ситуации, я не знаю, что сказать. (...)

"...это первый и последний брак в твоей жизни"

Решение в конце концов принял за нас Лукино, заявив: "Давайте поженим эту парочку, и пусть они оставят нас в покое..." И хорошо сделал: мы сами никак не могли решиться. Свадьбу назначили и откладывали много раз, Кокто говорил: "Это будет со дня на день, с Пасхи на Троицу". И вот 6 января 1962 года мы с Ренато сочтались браком в мэрии 16-го округа Парижа, а затем — в одной из римских церквей на Капитолии, и поклялись быть вместе "в

замуж "на всю жизнь", как самая смиренная из женщин. И никогда не разведусь. Будущее мне видится таким же лучезарным, как моя сегодняшняя улыбка. Я соединилась с тем, кого люблю. Ренато выглядит счастливым и в то же время заметно нервничает. Лев, попавшийся в западню. Уже на рассвете он вырвался из клетки. Я была в курсе: он отправился на съемки в Италию. Я снова увижу его только через месяц. (...) Чао, бамбино!

"Ренато прервал наши интимные отношения"

Беременность я переношу нелегко, и это еще усугубляется тем, что Ренато прервал наши интимные отношения. Не знаю, быть может, в Италии так принято; во всяком случае, он не хочет заниматься любовью с беременной. Такое впечатление, что для него я стала какой-то другой. Перспектива стать отцом и вид моего пуза пугают его так, что впору смяться. Вначале он обрадовался, но видеть, как женщина превращается в мать, ему неприятно. Мужчина — существо ранимое. И я оберегаю его, я скрываю усталость, проблемы, связанные с моим положением, все, что меня огорчает. Можно радоваться беременности как факту, но за короткое время прибавить в весе десять килограммов — от этого мало радости. Я ношу свободные платья, маскирую темные круги под глазами, затягиваю лифчик потуже и надеваю на лицо улыбку. Я стараюсь сохранять внешний облик любовницы, которую он скоро обретет вновь, пусть он не волнуется. Доктор удивлен, как мало я поправилась. "Если бы я не наблюдал вас, ни за что не поверил бы, что вы беременны", — говорит он. В самом деле, живот у меня почти плоский. Я так забочусь о спокойствии Ренато, что стараюсь не афишировать мое положение. Берегу это счастье для себя одной. Вот бы напустились на меня феминистки. Они защищают наши права, точно ценные собаки. Но я не такая, я не кусаюсь.

Еще до знакомства со мной Ренато купил роскошный дом в центре Рима, на виа Трибуна ди Кампителли. Шесть этажей, а на этаже — по две большие комнаты. Из окон открывается чудесный вид, лучший в городе. Мы занимаем каждый по этажу, чтобы не стеснять друг друга, хотя в первые месяцы будем неразлучны, я буду буквально висеть у него на шее. Один этаж — для друзей, еще один — столовая, там властвует повара. На втором живут сторожа. Но вскоре я устрою на этом этаже детскую. Терраса вся уставлена кадками с растениями, есть там и просторная клетка с горлицами. Мебель для террасы Ренато подобрал сам, он же придумал и все ее оформление. С тех пор как Лукино приобщил его к искусству, у него развился изысканный вкус. (...)

"У меня есть все: любовь, слава, деньги, молодость, здоровье"

Эти первые годы в Риме, наверное, были самыми счастливыми в моей жизни. (...) Именно тогда я прирасталась к кроссовкам и головоломкам: впоследствии они помогут мне скрасить долгие часы одиночества и скуки. Должна же я чем-то заполнить время. Иногда мне так не хватало Парижа, моих друзей, привычных магазинов, аромата города, родного языка, метких словечек... Такое впечатление, что я выброшена из жизни, теперь я — "жена Ренато", и ничего больше. Но его любовь успешно излечивает меня от меланхолии. Мы устраиваем праздники, званые ужины, проводим с друзьями вечера, а то и ночи напролет. У меня есть все: любовь, слава, деньги, молодость, здоровье. Жизнь нам улыбается, раздает обещания. Никогда больше не доведется мне испытать такое ощущение изобилия, странное чувство, что с нами ничего не может случиться, и в то же время — что все может рухнуть в один миг. (...)

4 июля 1962 года. С этого дня мой союз с Ренато скреплен навсегда. Нашу дочь зовут Джулия: так звали ее бабушку с отцовской стороны. Моя черноглазая итальяночка, курдявая красота, ротик бантиком, так похожая на Ренато, я готова тебя зацеловать, ты пробудила во мне бездну материнских чувств, а отец твой горд и счастлив. Когда он увидел ее в первый раз, через несколько часов после родов, то попытался от страха и смущения. Он боится допустить до нее, чтобы не причинить ей вреда, боится взять на руки, чтобы не уронить. А я ведь тоже никогда не держала на руках ребенка, я не знала, что это маленькое существо так согревает, что его так сладко целовать. (...)

"...замужем за итальянским мацо"

В первые годы мне даже нравится такая жизнь, жизнь замужем за итальянским мацо и в полном подчинении у него. Это похоже на от-

дых. Когда я оказываюсь на месяц-два в Риме, то забываю обо всех делах, которые ждут меня в Париже, обо всем, за что отвечаю я одна. С Ренато спорить не приходится, он сам принимает решения, это его страна, он лучше знает, как тут жить. Вдобавок я еще слабо владею итальянским. Когда мы только поженились, во французской прессе писали даже, что я — идеальная жена для итальянца: мало говорю и внимательно слушаю. Это почти правда. Ренато — мой супруг и повелитель. Рядом с ним я — образцовая молодая жена, хлопотливая, заботливая. Если у него болит плечо, я осторожно делаю ему массаж, если он проголодался, бегу за едой, ведь я просто обожаю за ним ухаживать.

Но из-за того, что я чувствую себя бесполезной, ни за что не отвечаю, не вмешиваюсь в ход вещей, эта "дольче вита" в итоге начинает вызывать у меня смертельную скуку! Днем мы слоняемся по дому, спим, пьем, курим, разговариваем, к вечеру одеваемся и идем к Франческо Розе играть в карты, или же в кино. (...) Когда Ренато уезжает на съемки, мне уже не так уютно в Италии, и я возвращаюсь в Париж, на Богезскую площадь. Один Бог знает, как мне не хватало всего этого: маленьких бистро на углу, магазинчиков в предместье Сент-Антуан. Так в моей жизни устанавливается надежное равновесие. Годами я буду курсировать между Римом и Парижем.

"...ревность ослепляет, душит меня"

(...) Когда я вдли от Рима, то звоню Ренато по несколько раз в день, просто чтобы услышать его голос... Я никогда ни о чем его не спрашиваю, и порой ревность ослепляет, душит меня. Это невыносимо. Я не нахожу себе места, мучаюсь, все думаю: а вдруг он сейчас с другой женщиной?

Ты должна будешь научиться делить его с другими, деточка. Ренато любит меня, но при этом бегае за каждой юбкой. Так уж повелось в Италии: жена сидит дома, а муж, один или с приятелями, прогуливается по городу и заводит знакомства с девушками. У них это вошло в привычку, стало, можно сказать, второй натурой. Это даже не обсуждается. Я могу сколько угодно твердить себе, что он по-своему меня любит, что я — это я, а они — это совсем другое; в какой-то момент я понимаю, что больше не выдержу. Следы помады на воротничке, белокуры волос на рукаве пиджака — я должна притворяться, будто ничего этого не замечаю, — томные женские голоса, которые просят позвать к телефону Ренато, нет уж, с меня хватит, basta! Годами между мной и моим мужем была фальшь, потом я вдруг увидела его в настоящем свете и решила принимать его таким, как он есть. Поняв, что он всегда будет мне изменять, я решаю последовать его примеру. Другого выхода я не вижу. Чтобы не сойти с ума от ревности, я тоже позволю себе любовные приключения. Буду поступать, как поступают мужчины, раз уж все они таковы. Не зря про них это говорят. Жизнь моя меняется, все летит кувырком.

"Ренато, я тебе изменила, чтобы не потерять тебя"

Ренато, я тебе изменила, чтобы не потерять тебя. Чтобы выжить!

С сегодняшнего дня я становлюсь независимой. Я ведь тоже живой человек, даром что вспомнила об этом совсем недавно. Я тоже отправляюсь на охоту. Опять начинаю предаваться рискованному флирту. (...) Я вновь обрела уверенность в себе, поняла, что я — нормальная, сексуально полноценная женщина.

(...) Очень скоро Ренато начал о чем-то догадываться, хоть и не понял толком, что с нами произошло. Он не способен предоставить, что оба супруга могут вести себя свободно. Он думает, будто я его разлюбила, в то время как я делаю все, чтобы его удержать. Я ничего не рассказываю о моих увлечениях, это касается только меня. Но он чувствует, что я отдалилась от него. Думает даже, что между нами все кончено. (...) Безоблачная идиллия, абсолютная гармония между нами продлится пять, от силы шесть лет... а потом наши пути разойдутся. Некоторые скажут: двое не могут любить друг друга, если между ними столько километров. Нас разделяли страны и континенты, и наша любовь не выдержала. Мало-помалу, несмотря на наше упорное сопротивление и нашу бдительность, работа поглощает каждого из нас. Расставание стало большим горем для нас обоих, хоть мы, как я уже сказала, так и не развелись. Ренато встретил другую женщину, у них родился ребенок, но мы с ним не можем забыть друг друга, нас связывает слишком многое. Я, как раньше, часто приезжаю в Рим, ведь Джулия связала нас навсегда. Несмотря ни на что, мы — семья. И наша любовь не угаснет.

К публикации подготвила Елена АРДАБАЦКАЯ.

Анни Жирардо с дочерью Джулией и внуком Ренато.